

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080008437-7

МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ВЫМЫСЛОМ:
МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ ГЕН. Н.Н. МУРАВЬЕВА
О «ПРИЗНАНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ИМАМАТА ШАМИЛЯ
ПОД РОССИЙСКИМ ПРОТЕКТОРАТОМ» (1855–1856 гг.)

© 2020

П.И. ТАХНАЕВА^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8830-5444; ptakhnaeva@gmail.com

Резюме: С 1996 г. в современной исторической литературе обсуждается вопрос о неких мирных переговорах с имамом Шамилем, предпринятых в 1855 г. по инициативе нового главнокомандующего на Кавказе ген. Н.Н. Муравьева. Представленный научной общественности современными дагестанскими историками «мирный план ген. Муравьева», предлагавший «признание Россией имамата самоуправляемой областью» или «признания Шамилем протектората России над имаматом», предполагал со стороны имама Шамиля прекращение военных действий, а со стороны Кавказского командования – снятие экономической блокады имамата. По утверждениям историков имам Шамиль был лично ознакомлен с предложениями о мире ген. Муравьева, они были им «приняты и дополнены». Мирные переговоры «ген. Муравьев – имам Шамиль» без ссылок на источник, были представлены историками как несостоявшаяся и заманчивая альтернатива многолетней кавказской войне. По их мнению, многообещающая перспектива признания независимости имамата под «российским протекторатом» была нарушена завершением Восточной войны в 1856 г., в результате чего мирное сосуществование с имаматом потеряло актуальность. Альтернатива изнурительной и долгой войне была утеряна не по вине имама Шамиля: в 1856 г. главнокомандующего войсками на Кавказе ген. Н.Н. Муравьева сменил ген. Кн. А. И. Барятинский, с осени того же года перешедший к активным наступательным действиям на имамат, продолжив, таким образом, войну еще на три года, до 1859 г. Чтобы определить, что в действительности представлял собой «мирный план ген. Муравьева», в настоящей статье был проанализирован основной источник, давший основание историкам и писателям говорить о «мирном плане ген. Муравьева», – переписка ген.-бар. Л.П. Николаи и сына имама Шамиля Джамалуддина (1854–1856). Анализ источника наглядно демонстрирует большое расхождение между реальностью и вымыслом о якобы имевших место мирных переговорах между имаматом и кавказским командованием в 1855 г.

Ключевые слова: кавказская война, имамат, мирные переговоры, имам Шамиль, независимость имамата, российский протекторат

Для цитирования: Тахнаева П.И. Между реальностью и вымыслом: мирные переговоры ген. Н.Н. Муравьева о «признании независимости имамата Шамиля под российским протекторатом» (1855–1856 гг.). *Восток (Oriens)*. 2020. № 1. С. 68–81. DOI: 10.31857/S086919080008437-7

BETWEEN REALITY AND FICTION: PEACE NEGOTIATIONS OF GENERAL
N.N. MURAVIEV ON “RECOGNITION OF THE INDEPENDENCE
OF SHAMIL’S IMAMATE UNDER RUSSIAN PROTECTORATE” (1855–1856)

© 2020

Patimat I. TAKHNAEVA^a

^a – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8830-5444; ptakhnaeva@gmail.com

Abstract: Since 1996, the issue of certain peace talks with Imam Shamil, undertaken in 1855 on the initiative of N.N. Muravyov, the new Commander in Chief in the Caucasus, has been discussed in modern historical literature. Presented to the academic community by modern Dagestan historians, the “peace plan of Gen. Muravyov”, who proposed “Russia’s recognition of the Imamate as a self-governing region” or “Shamil’s recognition of Russian protectorate over the Imamate”, suggested on Imam Shamil’s side the cessation of hostilities, and on the Caucasian command’s side the lifting of the economic blockade of the Imamate. According to historians, Imam Shamil was personally privy to the peace proposals of Gen. Muravyov; they were “accepted and supplemented by him. “Peace talks between Gen. Muravyov and Imam Shamil,” without references, are presented by historians as a failed and tempting alternative to a long-standing Caucasian war. In their opinion, the promising prospect of recognizing the independence of the Imamate under the “Russian protectorate” was disrupted by the end of the Crimean War in 1856, when, as a result, the question of peaceful coexistence with the Imamate lost its relevance, while in reality an alternative to a grueling and long war was lost through no fault of Imam Shamil: In 1856, the General Commander of the Caucasian troops N.N. Muravyov was replaced by Gen. Prince A. I. Baryatinsky, who since the fall of the same year rapidly moved to active offensive operations on the Imamate, thus continuing the war for another three years (until 1859). In order to determine what the “peace plan of Gen. Muravyov” really was, this article analyzed the main source, giving historians and authors the basis to talk about “the peaceful plan of Gen. Muravyov”, – correspondence between Gen. Baron L.P. Nikolai and Imam Shamil’s son Jamaluddin (1854–1856). An analysis of the source clearly demonstrates the great discrepancy between reality and fiction about the alleged peace talks between Imamate and the Caucasian Command in 1855.

Keywords: Caucasian war, Imamate, peace negotiations, Imam Shamil, independence of Imamate, Russian protectorate

For citation: Takhnaeva P.I. Between Reality and Fiction: Peace Negotiations of General N.N. Muraviev on “Recognition of the Independence of Shamil’s Imamate under Russian Protectorate” (1855–1856). *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 68–81. DOI: 10.31857/S086919080008437-7

Впервые о мирных переговорах и соглашениях с горцами имамата, предпринятых кавказским командованием в 1855 г., кратко написал в 1996 г. дагестанский историк А.Х. Рамазанов в небольшом исследовании «Реформаторская деятельность великого имама Шамиля» [Рамазанов, 1996]. Автор, не приведя ссылок, передавал содержание «мирного плана» нового главнокомандующего войсками на Кавказе ген. Н.Н. Муравьева (ноябрь, 1854 г.) [Муравьев, 1877] как очередной обман кавказского командования: «Шамиль поддался на уверения главнокомандующего Кавказской армией Муравьева на переговорах в начале 1855 г. *Муравьев от лица России обещал мир горцам за признание их независимости под российским протекторатом* (здесь и далее выделено мной. – П.Т.). Стороны даже договорились об открытии пограничных торговых пунктов как первого шага в налаживании мирных отношений. Условия этого соглашения были нарушены российской стороной сразу после окончания Крымской войны. Шамиль просто обманули» [Рамазанов, 1996, с. 53].

В следующем, 1997 г. была опубликована одна из последних работ известного дагестанского историка Р. М. Магомедова «Два столетия с Шамилем» [Магомедов, 1997]. В параграфе «Была ли альтернатива для мирного исхода войны в Дагестане и Чечне?» автор вспоминал о событиях 1855 г., когда «размен княгинь Орбелиани и Чавчавадзе на сына Шамиля Джамалуддина» положил начало переговорам, и передавал содержание «мирного плана» ген. Муравьева. Р.М. Магомедов писал, что он «был представлен имаму» и заключал в себе следующие пункты: «Прекращение военных действий; *признание Россией имамата самоуправляемой областью* и невмешательство в его внутренние дела; *признание Шамилем протектората России над Имаматом*». Р. М. Магомедов отмечает далее: «Шамиль *выразил согласие обсудить эти принципы и прекратить военные дей-*

ствия на время переговоров» [Магомедов, 1997, с. 8–9], продолжая: «В целом, *предложения Муравьева были приняты и дополнены*, предусматривалось устройство торговых пунктов на пограничной черте». Более того, утверждал Р. М. Магомедов, «соглашения начали выполняться, *блокада имамата прекратилась* – с другой стороны, вплоть до конца Крымской войны (1856 г.), *прекратились и нападения мюридов на царские войска*». По мнению историка, этот многообещающий проект не получил дальнейшего развития в связи с завершением в 1856 г. Крымской войны, позволившим командованию «перевести на Кавказ высвободившиеся войска Турецкого и Крымского фронтов» [Магомедов, 1997, с. 8–9]. Работа Р. М. Магомедова представляла собой скорее исторический очерк и, к сожалению, не сопровождалась ссылками.

В 2004 г. к теме обратился другой известный дагестанский историк, Х.Х. Рамазанов, выделивший в работе «Эпоха Шамиля», в главе о внешнеполитической деятельности имама, отдельный параграф «Переговоры Шамиля с русскими генералами» [Рамазанов, 2004, с. 255]. Автор уделил несколько строк завершившихся «заключением соглашения» переговорам ген. Муравьева с имамом Шамилем в 1854–1855 гг.: «Назначенный 11 декабря 1854 г. новый главнокомандующий Н.Н. Муравьев решился на переговоры с Шамилем *с целью нейтрализовать активность горцев* в тяжелые для России военные годы. Было *заключено соглашение* об открытии на пограничной зоне базарных пунктов, что способствовало оживлению торговли. Военное командование *добилось продолжения переговоров* с Шамилем, используя для этого услуги командира Кабардинского полка Л.П. Николаи». Каким образом, с кем, где и когда было «*заключено соглашение*», в чем заключалось достигнутое командованием «*продолжение переговоров*», автор не уточнял. Примечательно, что автор не называет переговоры и соглашения «мирными». Однако, продолжал историк, по окончании Восточной войны (1856), когда у кавказской армии «численность войск и средств почти удвоилась», переговоры не получили дальнейшего развития, но не по вине имама: «В окружении царя было много сторонников силового решения «Шамилевской проблемы», чтобы как-то сгладить поражение в Крымской войне, одержав победу над Шамилем» [Рамазанов, 2004, с. 259].

Ю.У. Дадаев – следующий из дагестанских историков, обратившийся к теме «мирного плана» ген. Н.Н. Муравьева. В 2016 г. он рассматривал ее в докладе «Была ли альтернатива для мирного завершения народно-освободительной борьбы Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля в первой половине XIX в.?» на Кадыровских чтениях, позже опубликованном в сборнике материалов конференции [Дадаев, 2016]. Автор задавался вопросом: «Неужели не было возможностей остановить ее [кровопролитную войну] раньше?» и утвердительно отвечал, что их было несколько – в 1837 г., 1855 г. и 1859 г. «В частности, – писал историк, – в годы Крымской войны на Северном Кавказе сложилась... наиболее благоприятная ситуация для прекращения Кавказской войны и мирного вхождения Имамата в Российскую империю» и в 1855 г. была предпринята одна из попыток «...перемирия и прекращения военных действий в Дагестане и Чечне» [Дадаев, 2016, с. 145]. В подтверждение этого тезиса, без ссылок на прямой источник, автор цитировал Р. М. Магомедова: «Муравьев предложил имаму Шамилю свой проект: прекращение военных действий, признание Россией Имамата самоуправляемой областью и невмешательство его во внутренние дела; признание Шамилем протектората России над имаматом» [Дадаев, 2016, с. 144]. Ю.У. Дадаев утверждал, вновь без ссылок, что ген. Н.Н. Муравьев перед отправлением на Кавказ ознакомил императора со своей миротворческой программой: «При назначении наместником царя на Кавказе Н.Н. Муравьев доложил Николаю I о своих планах на ведение войны с Турцией, что же касается борьбы с Шамилем, то Муравьев прямо сказал, что дела на Северном Кавказе надо стремиться улаживать миром, умной дипломатией, а только потом использовать силу оружия» [Дадаев, 2016, с. 145]. О реакции императора автор умалчивал. Далее Ю.У. Дадаев слово в

слово вторил вслед Х.Х. Рамазанову: «В окружении царя было много сторонников силового решения «Шамилевской проблемы», чтобы как-то сгладить поражение в Крымской войне, одержав победу над Шамилем» [Дадаев, 2016, с. 145].

В 2019 г. молодой дагестанский историк З.Т. Гаджиев обратился к этому «малоизвестному» эпизоду в истории имамата – «заключению мирного соглашения» между имамом и кавказским командованием в 1855 г. (не апеллируя к «мирному плану ген. Муравьева»), якобы имевшему место во время обмена грузинских княгинь Орбелиани и Чавчавадзе на сына имама Шамиля, Джамалуддина. Историк уверенно утверждал, что в тот день, «22 марта 1855 г. имам Шамиль заключил соглашение в обмен “всех на всех” и “снятие с имамата экономической блокады”». Вследствие этого «перемирия с российской империей», продолжал историк, в «1855–1856 годы не выстрелило ни одно ружье по периметру имамата» [Гаджиев, 2019].

В целом, резюмируя представления дагестанских историков о «мирном плане ген. Муравьева», предложенном имаму Шамилю в 1855 г. и приведшем к заключению «мирных соглашений» или перемирия, можно вычленировать три основных его составляющих положения – политическое, военное и экономическое:

1. Политическая составляющая. «Главкомандующий ген. Муравьев от лица России обещал мир горцам за признание их независимости под российским протекторатом», «признание Россией имамата самоуправляемой областью и невмешательство в его внутренние дела», «признание Шамилем протектората России над имаматом», «признание Россией имамата самоуправляемой областью и невмешательство его во внутренние дела; признание Шамилем протектората России над имаматом»; перспективный план скорого окончания войны миром (принятый и одобренный имамом) сорвался по той причине, что в «окружении царя было много сторонников силового решения».

2. Военная составляющая. «Прекращение сторонами военных действий», «Шамиль выразил согласие обсудить эти принципы и прекратить военные действия на время переговоров», «прекратились и нападения мюридов на царские войска», «Муравьев предложил имаму Шамилю свой проект: прекращение военных действий»;

3. Экономическая составляющая. «Стороны договорились об открытии пограничных торговых пунктов как первого шага в налаживании мирных отношений», «предложения Муравьева были приняты и дополнены, предусматривалось устройство торговых пунктов на пограничной черте», «блокада имамата прекратилась».

Намного ранее научной общественности, в конце 1960-х гг., о загадочном «миротворческом плане ген. Муравьева» сообщал советский писатель Н. А. Задонский в историческом романе «Горы и звезды. Жизнь Н.Н. Муравьева» (сам автор называл свое произведение «документальной исторической хроникой» [Задонский, 1965, с. 390]. В пересказе Задонского «мирный план ген. Муравьева» заключался в следующем: «Начать немедленно мирные сношения с Шамилем, добиться на первый раз хотя бы временного, на определенный срок, прекращения военных действий. Затем убедить Шамиля в преимуществах и выгодах русского покровительства и, в конце концов признав Шамиля властителем горцев, возможно, *создать в Дагестане некий протекторат во главе с ним*» [Задонский, 1965, с. 407]. Задонский писал о «широкой программе действий» ген. Муравьева, включавшей в себя, в том числе, «учреждение на пограничной черте базарных пунктов, куда бы горцы могли приезжать для размена своих товаров и для торговли с русскими промышленниками» [Задонский, 1965, с. 408]. Поскольку роман был заявлен автором как документальный труд, при изложении «мирного плана ген. Муравьева» он, в отличие от историков, приводил ссылку на источник – известную по публикации 1882 г. переписку ген.-м. бар. Л.П. Николаи, командира Кабардинского пехотного полка, дислоцированного в Хасавюрте, и Джамалуддина Шамиля, находившегося в Ведене (1855–1856). Складывается впечатление, что историки находились под впечатлением романа Н. Задонского.

го, поскольку слово «*протекторат*» впервые появляется именно в романе – в источнике его нет.

Писатель Задонский мог позволить себе выйти за пределы возможностей указанного источника и предположить, что помочь ген. Муравьеву в реализации мирного плана должен был сын имама Шамиля – Джамалуддин (Джемал-Эддин). Задонский писал о доверительной встрече ген. Муравьева и поручика Дж. Шамиля, якобы состоявшейся перед их отправлением на Кавказ. Когда вступили в права законы художественного жанра, автор написал: «Убедить молодого сына Шамиля, поручика русской службы, что новый наместник, всегда доброжелательно относившийся к горцам, не собирается воевать с ними и разорять их аулы, если они первые не подадут к тому повода, убедить в том, как необходимо для всех, и прежде всего для Шамиля, прекращение военных действий, было нетрудно. Джемал-Эддин всей душой был на стороне Муравьева и со слезами на глазах *поклонился, что будет постоянно воздействовать на отца в нужном направлении*. В искренности его можно было не сомневаться. И Джемал-Эддин сдержал слово, данное Муравьеву» [Задонский, 1965, с. 408]. Между тем сам Джамалуддин с большим удивлением узнал о своей миссии от горцев, уже находясь в Ведене. Об этом открытии он с нескрываемой иронией сообщал бар. Л.П. Николаи в письме от 7 сентября 1855 г.: «Если бы вы знали, Леонтий Павлович, до чего глуп этот народ: между ними распространился слух, что меня нарочно прислали сюда, чтобы их подчинить русским» [Задонский, 1965, с. 408]. В завершение истории Задонский писал не менее сомнительное: «Открытые на пограничной черте обменные пункты и базары, где горцы беспрепятственно встречались с русскими, укрепляли дружеские их отношения. ...Грозный имам Шамиль *думал о сближении с русскими, одобряя в душе план Муравьева*, которому послал “с прибывшим для переговоров об обмене пленного чиновником изъявление своего почтения”» [Задонский, 1965, с. 408]. Однако приведенная автором ссылка не соответствовала фактам, изложенным в романе. Позже, в 2001 г., литературный опыт Задонского с «протекторатом» повторил другой писатель, Ш.М. Казиев, в романе «Шамиль» [Казиев, 2001].

Представленный научной общественности современными дагестанскими историками «мирный план ген. Муравьева», предлагавший «*признание Россией имамата самоуправляемой областью*», или «*признания Шамилем протектората России над имаматом*», не был известен первым советским историкам, обратившихся к теме истории Кавказской войны и имамата. Авторы монографических исследований [Покровский, 2000; Бушуев, 1939; Магомедов, 1939] не упоминали о мирных соглашениях кавказского командования с горцами имамата в 1855 г. или, что маловероятно, не знали о них. Похоже, о «мирном плане ген. Муравьева» не подозревали еще около полувека – в 1956 г. он прошел мимо внимания ведущих дагестанских историков Г.-А. Даниялова, Х.-М. Хашаева, В.Г. Гаджиева, Х.Х. Рамазанова, выступавших на сессии Дагестанского филиала АН СССР «О движении горцев под руководством Шамиля», прошедшей в тот год в г. Махачкале [О движении горцев..., 1957]. Не был план упомянут и в первом советском обобщающем академическом труде по истории северокавказских народов «История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)», опубликованном в 1988 г. [История народов Северного Кавказа..., 1988]. В 2004 г. вышел первый том многолетнего обобщающего труда дагестанских ученых «История Дагестана с древнейших времен до наших дней» [История Дагестана..., 2004], но в ней отсутствовала глава по завершающему этапу Кавказской войны в Дагестане. После третьей главы «Антифеодальная и антиколониальная борьба народов Северного Кавказа во второй четверти XIX в.», завершавшейся параграфом «Второй этап борьбы горцев Дагестана и Чечни за свободу и независимость в 1840–1852 годах», следовала четвертая глава – «Дагестан накануне и в период русско-турецкой войны 1877 г.».

Около десяти лет этот вопрос не попадал в круг исследовательского внимания Ю.У. Дадаева, автора двух внушительных по объему монографий «Государство Шамиля. Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления» [Дадаев, 2006] и «Государственное образование (имамат) Шамиля: органы власти и управления» [Дадаев, 2015], в которых рассматривались вопросы внутренней и внешней политики имамата. Другой современный дагестанский историк, М. Гасаналиев, автор трехтомного труда «Первая Кавказская война (1817–1864 гг.)» [Гасаналиев, 2011], упоминал о «мирных переговорах» 1854–1855 гг. В отличие от своих дагестанских коллег он ссылаясь на единственный (и доступный) источник по этому вопросу – переписку командира Кабардинского пехотного полка ген. бар. Л.П. Николаи с сыном имама, Джамалуддином, бывшим поручиком Владимирского уланского полка (с марта 1855 г. жившим в Ведене). Автор бегло прошелся по источнику, коротко изложив об основных и, по сути, единственных результатах этого общения – зыбкой, но почти прямой (отсюда и заманчиво многообещающей) связи с имамом в Ведене: «Николаи сообщил [кн. Барятинскому], что *установлена постоянная переписка с сыном имама*, горцам разрешено сделать покупки в Хасавюрте, а пленным на Ахульго – встречи с их женами и детьми. Имам принял добрый жест нового главкома и *выразил желание* расширить торговлю и обменять всех пленных солдат на мюридов» [Гасаналиев, 2011, с. 530]. М. Гасаналиев ограничился констатацией этого факта, не извлекая из него пространные заключения, крайне далекие от действительности.

В 2007 г. вышла монография современного российского историка В.М. Муханова «Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский», в которой автор в многостраничном параграфе «Полемика о методах покорения Северного Кавказа в середине 1850-х гг. и участие в ней князя Барятинского», исследовав проблематику вопроса по архивным источникам (ОР РГБ, РГВИА, ОПИ ГИМ, РГИА), установил, что в 1854–1855 гг. кавказское командование не вело мирные переговоры с имамом о «признании Россией имамата самоуправляемой областью» или «признании Шамилем протектората России над имаматом» и не заключало с ним каких-либо «мирные соглашения» [Муханов, 2007, с. 51–67].

Между тем основной источник, давший основание историкам и писателям рассуждать о «протекторате России над имаматом», переписка бар. Л.П. Николаи и Джамалуддина, шестнадцать писем, написанных с мая 1855 г. по сентябрь 1856 гг., частью были опубликованы еще в 1882 г. в «Русской старине» [Эпизод из истории..., 1882] и, спустя чуть более полувека, в 1937 г. востоковедом Г.В. Церетели в научном сборнике [Церетели, 1937]. Переписка была выявлена ученым в грузинском архиве (Тбилиси), в личном фонде М.Б. Туманишвили, в папках с надписью: «Сношения барона Л.П. Николаи с Шамилем и его сыном Джамалэджином. 1855–1856» и «Секретно. Сношения с Шамилем и Джамалэджином» (в общей сложности 24 документа) [Церетели, 1937]. Но, как было отмечено в 1998 г. израильским исследователем М. Гаммером, автором монографического исследования «Мусульманское сопротивление царизму и завоевание Чечни и Дагестана», эти публикации «советские историки оставили без внимания» [Гаммер, 1998, с. 499].

Как уже упоминалось, истоки информации о «плане ген. Муравьева» восходили к событиям 10 марта 1855 г., когда на реке Мичик произошел обмен грузинских княгинь В. Орбелиани и А. Чавчавадзе на сына имама Шамиля Джамалуддина (а также 16-ти других горцев, с выплатой выкупа княгинь в 40 тыс. рублей серебром). Из-за несколько затянувшихся переговоров, в ожидании предстоящего обмена прибывший из Петербурга Джамалуддин около трех недель находился в Хасавюрте, в доме ген. бар. Л.П. Николаи. Между хозяином и гостем установились дружеские отношения, положившие начало их переписке [Эпизод из истории..., 1882, с. 254].

Чтобы определить, что в действительности представлял собой «план ген. Муравьева», необходимо обратиться к основному источнику – переписке бар. Николаи и Джамалуддина. Спустя неделю после состоявшегося обмена, 17 марта 1855 г., начальник главного штаба войск на Кавказе ген. кн. Барятинский писал бар. Л.П. Николаи: «Последнее ваше письмо меня очень заинтересовало, во-первых, подробностями, которые оно содержит об освобождении наших княгинь и, затем, *описанием отношений, как бы дружественных, которые установились между вами и имамом*. Сообщите мне доверительно, *какую вы видите возможность извлечь пользу из этих сношений?* Это письмо ваше я прочитал начальству, и что оно возбудило живой интерес». Барятинский прилагал письмо, которое главнокомандующий передал ему «для отправления, к сыну Шамиля» через бар. Николаи, но, на личное усмотрение, «поступите как признаете за лучшее» [Эпизод из истории..., 1882, с. 255]. Спустя месяц, 18 апреля 1855 г., не дождавшись ответа, кн. Барятинский спрашивал бар. Николаи о том, как продвигаются дела по установлению «добрых отношений с имамом»: «Сообщите мне сведения о ваших действиях, касательно *важного дела*, о котором я вам писал в своем последнем письме». Ставил бар. Николаи в известность, что теперь докладывает его письма «главнокомандующему, который читает их с большим любопытством и посылает копии с них военному министру для представления на высочайшее воззрение...» [Эпизод из истории..., 1882, с. 255].

Бар. Николаи ответит на письмо Барятинского только 27 апреля 1855 г. Ничего существенного в их «важном деле» не происходило: «Не имею ничего нового вам сообщить по делу, порученному вами моему особенному вниманию и попечению». Он продолжает оказывать небольшие личные услуги Джамалуддину и наблюдает за имамом: «Не могу сказать, чтобы я успел сделать шаг вперед к цели, которую преследую и полагаю, что известная личность [Шамиль] и *не подозревает еще, что я преследую определённую цель*. Пока я *ограничиваюсь поддержанием дружеских отношений с сыном*, оказывая ему некоторые небольшие услуги, и *слежу за тем, как таковые принимаются его отцом*». И далее: «Пологаю, что таким способом может установиться нечто вроде сердечного согласия, сперва личного между им и мною, которое при благоприятных обстоятельствах может привести к чему-либо прочному». Автор не скрывал, что сомневается в конечном положительном результате: «Пологаю, это единственный путь, которому нужно следовать, и что такой обмен добрых отношений сам собою поведет к *чему-либо более существенному, если действительно таковое может быть достигнуто*» [Эпизод из истории..., 1882, с. 256–258].

В начале мая 1855 г. кн. А.И. Барятинский на время покидает Кавказ. О дальнейшем продвижении «важного дела» главнокомандующий ген. Муравьев будет узнавать через брата бар. Л.П. Николаи, военного чиновника А.П. Николаи, обязанного представлять их переписку «в подлиннике в собственные руки ген. Муравьева». В письме от 20 мая 1855 г. А.П. Николаи писал в Хасавюрт, ген. бар. Л.П. Николаи, что «главнокомандующий весьма доволен направлением, данным этому делу, которое *удостоилось одобрения его величества*; что особых инструкций в подобном деле давать он почитает неудобным, полагаясь вполне на благоразумие и осторожность бар. Л.П. [Николаи], что *первая забота барона Леонтия Павловича должна состоять в том, чтобы горского соседа удерживать от враждебных действий до того времени, пока ...наши действия на турецкой границе и в Крыму примут благоприятный поворот*». [Эпизод из истории..., 1882, с. 259–260].

«Удерживать»? В ответном письме от 2 июня 1855 г. бар. Николаи писал, что у него все по-прежнему: «Мои отношения к Шамилю имеют пока *только характер личный, они возникли во время обмена пленных* ...не делая пока решительного шага, надеюсь сколько-нибудь успеть, *если успех вообще возможен*, но теперь еще ничего положительного обещать не могу». «Нет сомнения, что *личные интересы Шамиля должны были по-*

буждать его воспользоваться настоящими обстоятельствами для принесения покорности, на условиях, для него выгодных; думаю, что он обладает достаточной прозорливостью, чтобы это понять. ...Как истинный мусульманин он не отказывается от надежды, что могущественная коалиция, с которой Россия ведет борьбу, восторжествует во славу ислама. ...Все известия из гор сообщают единогласно, что Шамиль намеревается после байрама, предпринять движение в больших размерах...» [Эпизод из истории..., 1882, с. 259]. А месяцем ранее, в мае 1855 г., как писал Джамалуддин, турецкий султан «Абдул-Меджид прислал брату, Кази-Магома, знамя ...медаль... сверх того еще чин паши. Отцу же обещано, по взятии Тифлиса, короля Закавказского...» [Эпизод из истории..., 1882, с. 278]. Что бы мог предпринять бар. Николай в такой ситуации, чтобы «удерживать [горцев] от военных действий»?

В действительности подлинная причина военного «бездействия» имама Шамиля в 1855 г. заключалась в другом. Он сам рассказал о ней военному историку, полк. генеральному штаба Д.И. Романовскому осенью 1859 г.: «В 1853 и 1854 гг. я беспокоил вас довольно, но вместо всякой благодарности, я постоянно получал из Константинополя замечания, что делаю свои нападения или не вовремя, или не туда, куда следует. Вследствие того, в 1855 г. я ограничился только уведомлением в Константинополь о полной готовности моей безотлагательно двинуться тогда и туда, куда мне будет указано, но что до получения этого указа ограничусь сборами, и сам никуда не двинусь. Никаких указаний я после этого не получал, потому и вся моя деятельность в 1855 г. ограничилась одними сборами» [Романовский, 1881, с. 286]. Чуть позже, в июле 1860 г., этот рассказ со слов имама подтверждал А. Руновский [Дневник полковника Руновского..., 1904, с. 1444]. Таким образом, не совсем правомочным представляется утверждение дагестанского историка о том, что в «1855–1856 годы не выстрелило ни одно ружье по периметру имамата» вследствие некоего «перемирия с российской империей» [Гаджиев, 2019]. Имам Шамиль, судя по источнику, о существовании подобного «перемирия» не подозревал.

Согласно письму бар. Николай от 10 октября 1855 г., доверенное ему «важное дело» по-прежнему не продвигалось, но он настроен оптимистично. Отметив, что «переговоры о выкупе княгинь, а в особенности... возвращение Джамал-Эддина *пробили брешь в стене, отделявшей нас от горцев таинственностью и ненавистью*», он писал, что его важным результатом стало то, что «с этого времени *система безусловной блокады гор теряет свое значение*, и следовало бы желать, чтобы она постепенно заменялась созданием более близких отношений». Значимость этого события бар. Николай подчеркивал напоминанием, что «с самого начала своего владычества Шамиль старался противодействовать всякому сближению между горцами и нами. ... Для достижения этой цели он строжайше запретил всякие с нами сношения, со своей стороны мы ответили такую же системой запретительной» [Эпизод из истории..., 1882, с. 263–264]. У бар. Николай появилась надежда ускорить решение вопроса открытием торговых отношений с имаматом.

В первых числах октября бар. Николай получил от Джамалуддина короткое сообщение, в котором последний писал: «Давно твержу я им о выгодах торговли и успел в этом уверить. Теперь остается вашему превосходительству позволить привозить в Хасав-Юрт сбыт (товар). ...Народ с нетерпением ожидает вашего разрешения» [Эпизод из истории..., 1882, с. 264]. По мнению бар. Николай, открытие торговли с горцами являлось делом «первостепенной важности», если не единственным, для сближения с имаматом. Он писал главнокомандующему о необходимости открытия с имаматом «*торговых операций*», которое «впоследствии имело бы серьезное значение, *создавая постепенно то сближение между горцами и нами, которое необходимо должно предшествовать умиротворению*». Николай отмечал, что эта «инициатива возникла с неприятельской сторо-

ны», а именно: «Соседнему нам наibu Ауховскому поручено было негласно узнать – дозволю ли я установление некоторой меновой торговли... наib присовокупил, что Шамиль уже дал на это свое предварительное согласие, с тем лишь условием, чтобы местом для обмена товаров был избран исключительно Хасав-Юрт» [Эпизод из истории..., 1882, с. 262]. Николай отвечал наibu, что «не уполномочен дать подобное дозволение, но готов ходатайствовать перед своим начальством для получения необходимого разрешения». Признавая, что вопрос о «свободе торговых отношений» не в его компетенции, он торопил командование, предупреждая, что если «не дать официальный ход этому предложению, то это... повредит успеху тех *конфиденциальных отношений, которые установились между мною и Ведено*». Николай просил официального разрешения на «торговые сношения» с горцами, «основанные на меновом торге», подчиненные его «наблюдению и контролю» [Эпизод из истории..., 1882, с. 264].

Ответ из Тифлиса пришел довольно быстро. В письме от 23 октября 1855 г. ген. К.П. фон-Кауфман, начальник военно-походной канцелярии главнокомандующего, сообщал, что его последняя «записка» с предложением об открытии торговых отношений с горцами оказалась «до того интересна», что главнокомандующий отправил «ее всю, как она есть, к г. военному министру, для доклада его величеству» и ген. Муравьев уже наложил резолюцию «допустить *попытки торговых сношений с горцами на основании менового торга*, под наблюдением и контролем... и с исключением из онаго всех предметов, подходящих под наименование контрабанды» [Эпизод из истории..., 1882, с. 266]. Спустя чуть больше месяца, в письме от 12 декабря 1855 г., бар. Николай сообщал, что имам Шамиль, «изъявляет согласие на установление торговых сношений», но «ограничивает право торговли двумя или тремя личностями из наших торговцев-евреев, которым дозволяется свободно торговать в горах». Николай пояснял, что «дозволение этим торговцам бывать в горах подразумевает разрешение такому же числу горцев бывать в Хасав-Юрте». Но это уже было достижением – лучше, чем совсем ничего. В тот же день, 12 декабря, бар. Николай отправил в Ведено письмо к имаму Шамилю, в котором сообщал о «своем согласии на открытие торговых сношений на началах, предложенных Шамилем» [Эпизод из истории..., 1882, с. 267].

Спустя еще месяц, в конце января 1856 г., бар. Николай получил из Тифлиса копию письма военного министра к главнокомандующему, из которого ему стало известно о том, что «император на *предложенную ген.-м. бароном Николаи* и одобренную Вами меру относительно торговых сношений с горцами совершенно согласен». Император выражал надежду, что «опыт этот будет произведен столь же благоразумно и осторожно под надзором барона Николаи, как и все другие доселе им предпринятые попытки сближения с Шамилем». Предупреждал, что для сближения с имамом «могут быть разрешены означенные *торговые сношения*», но «не как мера общая ...как исключение». Военный министр писал: «Государь император, рассмотрев... записку бар. Николаи об открытии торговых отношений с горцами и одобрив принятые им меры к упрочению сих отношений впредь, соизволил выразить надежду, что дело это будет иметь, со временем, желаемый успех и поведет к результатам вполне удовлетворительным. Смотря по тому, какой результат произведут эти первоначальные торговые сношения, впоследствии можно будет дать им большее развитие, сообразно общим нашим видам, которые, конечно, должны клониться к успокоению народов, упорствующих донныне в *своей фанатической к нам вражде*» [Эпизод из истории..., 1882, с. 268].

Торговые отношения с имамом, допущенные императором в порядке исключения, «не как мера общая», неожиданно столкнулись с ограничениями со стороны имама, который предоставил право торговли в горах двум или трем торговцам-евреям, что «подразумевало разрешение такому же числу горцев бывать в Хасав-Юрте». Затем, с 12 декабря 1855 г. по 30 марта 1856 г., на длительный период связь бар. Николай с Веденом пре-

рвалась. Но бар. Николай выжидал и 7 февраля 1856 г. писал в Тифлис: «Главное, не подавать вида, будто мы нетерпеливо *желаем сближения*».

В конце зимы 1856 г. завершилась Восточная (Крымская) война – 18(30) марта 1856 г. был подписан Парижский трактат между Россией, с одной стороны, и Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией – с другой. Но еще в начале войны, в 1854 г., сотрудник военного министерства ген.-м. Д.А. Милютин представлял на рассмотрение императора записку, в которой предлагал по ее окончании воспользоваться присутствием на Кавказе присланных для войны с Турцией войск. Но Милютин не делал ставку только на увеличение войск. Основная мысль, заложенная в записке, заключалась в том, что к концу войны необходимо было не просто разработать план предстоящей военной кампании по «замирению края», а продумать «общую систему устройства всего кавказского края на будущее время», так как «все знающие Кавказский край ныне вполне убеждены, что с самыми большими силами и средствами нельзя покорить разом враждебное горское население» [Муханов, 2007, с. 55]. В марте 1856 г. с этой запиской ознакомился новый император Александр I, заинтересовался ею и надписал: «Можно спросить по этому мнения кн. Воронцова, кн. Барятинского и самого Муравьева». Военный министр кн. В.А. Долгоруков отправил этот запрос ген.-ад. П.Е. Коцебу, являвшемуся долгое время начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса. Д.А. Милютин, со своей стороны, обратился с такой же просьбой к ген.-м. Н.И. Вольфу, служившему в 1846–1852 гг. обер-квартирмейстером Кавказского корпуса [Муханов, 2007, с. 51–55].

Из всех опрошенных военачальников «кавказцев» единственный ген. Коцебу предлагал использовать мирные средства, а именно начать переговоры с Шамилем и заключить с ним договор, при условии, что «он будет нести ответственность за содержание горцев в спокойствии», остальные предлагали для «полного покорения и замирения края» продолжение войны [Муханов, 2007, с. 55]. Необходимо отметить, что кн. А.И. Барятинский, представивший, по признанию военного министра, лучший проект, подчеркивал, что нельзя действовать только силовыми методами, необходимо для достижения успеха сочетать их с «мирными». Заметив, что «менее всего можно утешить войною людей, которые от колыбели привыкли к ней и в битвах представляют себе честь и славу», предлагал: «Но если мы вместе с тем будем действовать на них влиянием нашего нравственного превосходства, то нельзя сомневаться, чтобы влияние это оставалось бесплодным». По мнению кн. Барятинского, «непримиримая, ожесточенная борьба за независимость возникает только тогда, когда существует убеждение, что цель завоевательных действий... есть уничтожение веры, прав, обычаев и собственности покоренных». Следовательно, «такому убеждению должно противопоставить другое убеждение, которое бы разрешило этот предрассудок». В частности, кн. Барятинский предлагал «главною целью поставить покорные племена на такую степень благоденствия, которая бы сама по себе сделалась средством привлечения для племен непокорных», тем самым предоставив им возможность сравнения и выбора между «истребительной борьбой, бедной и кочевой жизнью» и «спокойным и мирным существованием под сенью Русского Скипетра» [Муханов, 2007, с. 61].

Между тем ответ главнокомандующего ген. Муравьева, представленный им в апреле 1856 г. на запрос военного министра о предложениях по дальнейшему «замирению края», заключал неопределенность: «В суждениях о средствах к покорению Кавказа я слышал несколько раз мнение *о приобретении гор посредством миролюбивых сношений*, но опыт указывал, что *этот способ здесь неприменим в виде безусловной системы*. Не менее того признаю возможным в иных частях Кавказа действовать проповедью, в других – учреждением школ и развитием между горцев промышленности – средства, которыми при военных действиях не должно пренебрегать... *Воздержусь от изложения ка-*

ких-либо предположений в Дагестане, который не посещал с давнего времени... В Чечне упрочивать владычество наше переселяемыми вперед станицами – есть способ испытанный, и его не следует изменять» [*Отношение ген. Муравьева...* 1888, с. 64]. Предложения, высказанные в проекте по «замирению края» ген. Муравьева, военный министр В.А. Долгоруков называл изложенными «в общих чертах», заметив, что они «далеки от зрелости» [Муханов, 2007, с. 66].

В свою очередь, бар. Николай в письме от 30 марта 1856 г. делился с главнокомандующим своими взглядами по этому вопросу: «Теперь, когда заключен мир, главная задача заключается в том, чтобы обеими руками взяться за кавказский вопрос, дабы с ним покончить, пока есть время и возможность; ...численность войск и средств в настоящее время почти удвоена, надобно этим воспользоваться, чтобы нанести такие удары, от которых бы горцы не оправились. ...Чтобы раз и навсегда освободить здешний край от этого постоянного хронического недуга» [*Эпизод из истории...* 1882, с. 272]. Похоже, бар. Николай, ключевая фигура в намечающихся «дипломатических» отношениях с имамом, разуверился в необходимости его дальнейшего продолжения или в его положительном результате. Он писал: «Можно возразить: а что же переговоры, начатые с Шамилем? На это ответу: не следует пренебрегать и этим средством: *если неприятель захочет прислушаться голоса разума*, тем лучше; но выгода уже та, что можно говорить с ним голосом более решительным. Если он согласится протянуть руку, то следует ее принять, и принять откровенно, без двуличной политики. Но следует требовать таких гарантий, которые обеспечили бы нам верность данного слова, а там, в горах, пусть себе Шамиль будет владельцем; тем лучше для нас». Но лично бар. Николай не верил в вероятность подобного шага со стороны имама, пока шла война: «Я всегда высказывал убеждение, что до окончания той большой борьбы, которую вела Россия, а в особенности до окончания войны с султаном, невозможно ожидать чего-либо решительного от Шамиля» [*Эпизод из истории...* 1882, с. 272].

Узнав из письма Джамалуддина, что в мае 1856 г. в Ведене все еще не знали о заключенном мире, бар. Николай написал ему и через него поставил имама в известность об окончании русско-турецкой войны и заключении турецким султаном мира с русским императором. В ответном письме от 12 августа 1856 г. Джамалуддин писал: «Вследствие письма вашего, в котором объяснили предстоящую бурю несчастным горцам, прочел отцу, чем и уверил, что мир заключен между воюющими державами и что все внимание русских обратится на горцев. Но приходящие постоянно вздорные известия, что Омер-паша в Кутаиси, Александрополь так же взят и вообще лжи за лжами ввели снова в сомнение». Спустя еще месяц, 12 сентября 1856 г., Джамалуддин писал: «Отец *никаким образом не склоняется к миру*; он говорит: «Что несколько раз его обманули русские и теперь сделают то же. Но если султан Абдул-Меджид заключил мир и предложит нам сделать то же, тогда я не вправе буду отказаться от этого, ибо турецкий султан есть глава магометан и желание его есть свято для каждого бусурманина». Джамалуддин спрашивал разрешения у бар. Николаи «написать султану о настоящем положении Дагестана и пользе, какую он может принести этой горсти несчастных, даруя им мир» [*Эпизод из истории...* 1882, с. 254, с. 275].

Однако переписка, на которую возлагали столько надежд, к началу осени 1856 г. уже потеряла свой смысл – в июле 1856 г. кн. А.И. Барятинский был назначен главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом (а чуть позже, в августе, утвержден исправляющим должность кавказского наместника). По прибытии на Кавказ новый главнокомандующий сразу же перешел от тактики оборонительных действий к наступательной [Муханов, 2007, с. 51].

При внимательном ознакомлении с источником становится очевидным, что невольным автором никогда не существовавшего «мирного плана ген. Муравьева» являлся брат

бар. Л.П. Николаи, А.П. Николаи. В 1882 г. он опубликовал свою переписку с братом, где в предисловии писал, что у нового главнокомандующего по прибытии на Кавказ в феврале 1855 г. возник план «*приостановить войну*» в Чечне и Дагестане на время Восточной войны «через установление переговоров с Шамилем... *в видах побуждения его к покорности, на условиях, для его самолюбия выгодных*». Но последняя строчка, приписываемая автором ген. Муравьеву, – цитата из письма его брата, ген. бар. Л.П. Николаи от 2 июня 1855 г. Далее А.П. Николаи представлял некий план ген. Муравьева, задуманный последним в феврале 1855 г., «покончить кавказскую войну» мирным путем, но «для достижения подобной цели» недоставало самого главного – «сколь-нибудь дружественных сношений, которые могли бы в удобный момент послужить исходною точкою для более серьезных предложений». Переписка, неожиданно завязавшаяся между ген. бар. Л.П. Николаи и Джамалуддином с конца марта 1855 г., стала «первой нитью для подобных сношений» и «ген. Муравьев вознамерился [ею] воспользоваться» [*Эпизод из истории...* 1882, с. 254].

Но намерения главнокомандующего ген. Н.Н. Муравьева воспользоваться предположениями возможного сближения с имамом Шамилем через зыбкую связь переписки бар. Николаи с сыном имама, Джамалуддином, являлись лишь неким проектом по налаживанию отношений с крайне «закрытым» противником. Содержание переписки далеко не соответствовало изложенному современными историками «мирному плану ген. Муравьева», согласно которому предполагалось «признание Россией имамата самоуправляемой областью», или «признание Шамилем протектората России над Имаматом». Все, чего бар. Л.П. Николаи удалось добиться с марта 1855 г. по сентябрь 1856 г. в «важном деле» сближения с имамом Шамилем, согласно его переписке, – это от «поддержания дружеских отношений с сыном имама» и «стремления к сердечному согласию» с имамом – до полного отсутствия каких-либо «способов удерживать горского соседа от враждебных действий»; получения в порядке исключения высочайшего разрешения на «торговые операции, меновой торг» с воюющей стороной, имаматом, – но в действительности вынужденный по требованию имама ограничить ее в горах двумя-тремя торговцами «на началах, предложенных Шамилем»; многомесячное бесплодное ожидание, «если он согласится протянуть руку», чтобы принять ее с гарантиями, «которые обеспечили бы нам верность данного слова, а там, в горах, пусть себе Шамиль будет владетелем». Но, согласно последнему письму Джамалуддина из Ведена от 12 сентября 1856 г. – «отец никаким образом не склоняется к миру» [*Эпизод из истории...*, 1882, с. 278].

С осени 1856 г. новый главнокомандующий кн. А.И. Барятинский приступил к подготовке наступательных действий на имамат, перешел к ним в 1857 г., и в результате принятых в дальнейшем активных военных действий, к концу августа 1859 г. имамат Шамиля перестал существовать.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АКАК – *Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Архив Главного управления наместника кавказского*. Под ред. А.П. Берже, Т. VI, ч. 2. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. [Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus. (AKAK). ed. A. P. Berzhe, Vol. VI, part 2. Tbilisi: Tip. Main Office of the Viceroy of the Caucasus, 1875 (in Russian)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бушуев С.К. *Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля*. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939 [Bushuev S.K. *Highlanders' Struggle for Independence under the Leadership of Shamil*. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishers, 1939 (in Russian)].

Гаджиев З.Т. 7 ответов на 7 вопросов Рамзана Кадырова по истории Дагестана. Ga-dzhiev Z.T. 7 Answers to 7 Questions of Ramzan Kadyrov on the History of Dagestan (In Russian). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=naKEs71yC5c&feature=youtu.be&app=desktop#menu> (дата обращения – 23.09.2019).

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму и завоевание Чечни и Дагестана. М.: Крон-Пресс, 1998 [Hammer M. Shamil. Muslim Resistance to Tsarism and the Conquest of Chechnya and Dagestan. Moscow: Kron-Press, 1998 (in Russian)].

Гасаналиев М. Первая Кавказская война (1817–1864 гг.). Махачкала: [б. и.], 2011 [Gasanaliev M. First Caucasian War (1817–1864). Makhachkala: [No Publisher], 2011 (in Russian)].

Дадаев Ю.У. Была ли альтернатива для мирного завершения народно-освободительной борьбы Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля в первой половине 19 в.? Миротворческие процессы на Кавказе: уроки и перспективы (IV Кадыровские чтения). Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 65-летию со дня рождения первого Президента Чеченской Республики, Героя России А. А. Кадырова (Грозный, 8 сентября 2016 г.). Грозный: Изд-во АН ЧР, 2016 [Dadaev Yu.U. Was There an Alternative for the Peaceful Completion of the National Liberation Struggle of Dagestan and Chechnya under the Leadership of Imam Shamil in the First Half of the 19th Century? Peacekeeping Process in the Caucasus: Lessons and Prospects (4th Kadyrov's Readings). Materials of the All-Russian Academic-Practical Conference Dedicated to the 65th Anniversary of the First President of the Chechen Republic A.A. Kadyrov. Grozny: Chechen Republic Academy of Sciences Publishing House, 2016 (in Russian)].

Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления: диссертация ... доктора исторических наук. Махачкала, 2006 [Dadaev Yu.U. The State of Shamil. Socio-Economic Situation, Political, Legal and Military-Administrative System of Government. Makhachkala: Ihlas, 2006 (in Russian)].

Дадаев Ю.У. Государственное образование (имамат) Шамиля: органы власти и управления. Махачкала: Эпоха, 2015 [Dadaev Yu.U. State Formation (Imamat) of Shamil: Government and Administration. Makhachkala: Epoch, 2015 (in Russian)].

Дневник полковника Руновского. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. Ч. 2. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904 [Diary of Colonel Runovsky. Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 12. Part 2. Tiflis: Viceroy of the Caucasus Main Office's Printing House, 1904 (in Russian)].

Задонский Н.А. Горы и звезды. Жизнь Н.Н. Муравьева. М.: Воениздат, 1965 [Zadonsky N.A. Mountains and Stars. The Life of N.N. Muravyov. Moscow: Voennizdat, 1965 (in Russian)].

История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М.: Наука, 2004 [The History of Dagestan from Ancient Times to the Present Day. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2004 (in Russian)].

Казиев Ш.М. Шамиль. М.: Молодая гвардия, 2001 [Kaziev Sh. M. Shamil. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2001 (in Russian)].

Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля, М.: Издательство АН СССР, 1939 [Magomedov R. M. Highlanders' struggle for independence under the leadership of Shamil. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1939 (in Russian)].

Магомедов Р.М. Два столетия с Шамилем. Махачкала: Даггиз, 1997 [Magomedov R.M. Two Centuries with Shamil. Makhachkala: Daggiz, 1997 (in Russian)].

Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 г. СПб.: Издательство, 1877. Т. 2. [Muravyov N. N. The War beyond the Caucasus in 1855. St. Petersburg: Demidov's Publishers; Obschestvennaya Pol'za, 1877. V. 2. (in Russian)].

Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007 [Mukhanov V.M. Conqueror of the Caucasus, Prince A.I. Baryatinsky. Moscow: Centerpolygraph, 2007 (in Russian)].

О движении горцев под руководством Шамиля. Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР. 4–7 октября 1956 г. Махачкала: [б. и.], 1957 [On the Movement of the Highlanders under the Leadership of Shamil. Materials of the Panel of the Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences. Makhachkala: [No Publisher], 1957 (in Russian)].

Отношение ген. Муравьева к кн. Долгорукову. 23 апреля, 1856 г. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 11. Тифлис, 1888 [Ad Notm of Gen. Muravyov to Prince Dolgorukov. April 23,

1856. *Acts of the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. 11. Tiflis: Viceroy of the Caucasus Main Office's Printing House, 1888 (in Russian)]

Покровский Н.И. *Кавказские войны и имамат Шамиля* / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М.: РОССПЭН, 2000 [Pokrovsky N. I. The Caucasian Wars and the Imamate of Shamil. V.G. Gadzhiev, N.N. Pokrovsky (Eds.). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2000 (in Russian)].

Рамазанов А. *Реформаторская деятельность великого имама Шамиля*. Махачкала: Библиотека фонда Шамиля, 1996 [Ramazanov A. The Reforms of the Great Imam Shamil. Makhachkala: Shamil Fund Library, 1996 (In Russian)].

Рамазанов Х.Х. *Эпоха Шамиля*. Махачкала: Исламская тип. «Ихлас», 2004 [Ramazanov H.H. *The era of Shamil*. Makhachkala: [No Publisher], 2004 (in Russian)].

Романовский Д.И. Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война (1815–1879). Исторический очерк. *Русская старина*. 1881. Т. 30. С. 247–318 [Romanovsky D.I. Field-Marshal Prince Alexander Ivanovich Baryatinsky and the Caucasian War (1815–1879). Historical Digest. *Russkaya Starina*. St. Petersburg, 1881. V. XXX (in Russian)].

Церетели Г.В. Вновь найденные письма Шамиля. *Труды института востоковедения*. Вып. XXIV (Труды первой сессии арабистов, 14–17 июня 1935 г.), М.–Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 95–112 [Tsereteli G.V. The Newly Found Letters of Shamil. *Works of the Institute of Oriental Studies*. Vol. XXIV (Proceedings of the First Session of the Arabists, June 14–17, 1935), Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1937 (in Russian)].

Эпизод из истории Кавказской войны, 1855–1857 гг. *Русская старина*. Т. 36. 1882. С. 253–282 [An Episode from the History of the Caucasian war, 1855–1857. *Russkaya Starina*. Vol. 36. St. Petersburg, 1882 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения, Москва, Россия.

Patimat I. TAKHNAEVA, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.